Глава 211: Мириады методов осмысления монолитов (Часть I)

Сказав эти слова, мужчина средних лет развернулся и ушел. Чэнь Чан Шэн стоял на горной тропе в недоумении от того, что только что произошло, и, естественно, был немного сердит. Когда прошло некоторое время, он осознал, что этот человек в конце упомянул, что кто-то перед мавзолеем искал Чэнь Чан Шэна. Прибыв ко входу в мавзолей, он увидел до сих пор закрытые каменные двери, что заставило его вспомнить сцену прошлой ночи, когда Сюнь Мэй выходил за эти двери. Как раз, когда он начал чувствовать некоторую меланхолию, он вдруг услышал, что кто-то зовет его по имени.

Он последовал за голосом к стороне каменной двери и увидел, что там было небольшое окно, установленное в стену, через которое Жрец Синь махал ему. Несколько удивленный Чэнь сделал жест почтения через окно и спросил: «Почему сэр пришел?»

Жрец Синь передал некоторые вещи через каменное окно и ответил: «Его Высокопреосвященство попросил меня прийти и проверить тебя».

Чэнь Чан Шэн получил вещи и ответил: «Весь наш багаж все еще в повозках. Вчера они не позволили нам внести его внутрь».

«Это правила Мавзолея Книг. После того, как они закончат проверять их, они вернут вам вещи. Это, вероятно, будет сделано к концу дня».

Чэнь Чан Шэн вспомнил те вонючие одеяла с кислым запахом в соломенной хижине и решил спросить: «Могу ли я потревожить сэра получить для нас чистые одеяла?»

Жрец Синь был удивлен, а затем ответил: «Это не будет трудно».

«Так как они вернут нам наш багаж, то я не думаю, что нам надо что-нибудь еще».

Чэнь Чан Шэн посмотрел на вещи, которые передал Жрец Синь, и увидел, что среди них был мешок вареных куриных яиц. Он не мог сдержать свое любопытство и спросил: «В Мавзолее Книг мы должны сами организовывать наши три приема пищи?»

Жрец Синь объяснил: «Каждая школа и секта сделала приготовления, так что каждый день у них будут поставки. Что насчет обычных студентов, Императорский Двор будет снабжать их предметами первой необходимости, но они будут более низкого качества. Сейчас у Ортодоксальной Академии есть еще много вещей, которые нужно сделать, так что ты и Танг Тридцать Шесть определенно не подготовили ничего. Вместо этого, Его Превосходительство Епископ уже позаботился о ваших приготовлениях, поэтому нет необходимости беспокоиться».

Проводя разговор через крошечное окошко, Чэнь Чан Шэн чувствовал себя немного странно. Он чувствовал, как будто был узником, который говорил с посетителем.

Видя его выражение, служащий Синь догадался, о чем он думал. «Мавзолей Книг - это святая земля, но это также и тюрьма».

Чэнь Чан Шэн был немного удивлен, но потом вспомнил горький опыт Сюнь Мэя. «Это разумно. Большое спасибо сэру за это предупреждение».

«Как я мог быть тем, кто сказал такие разумные слова? Его Святейшество Поп предыдущего поколения сказал их. Его Высокопреосвященство попросил, чтобы я передал эти слова тебе».

«Я понимаю».

Через каменное окно Жрец Синь посмотрел ему в глаза. «Ты должен помнить, через время одного месяца Сад Чжоу будет открыт. Ты должен выйти до этого времени».

Чэнь Чан Шэн не ответил, но вместо этого упомянул инцидент на горной тропе с высокомерным Стражем Монолитов.

«Как могло такое произойти?»

Жрец Синь нахмурил брови. «Для того, чтобы упростить процесс изучения студентами монолитов, различные школы и академии, вероятно, нашли какой-то способ выслужиться перед некоторыми из Стражей Монолитов. Наряду с их особым статусом, это, вероятно, сделало некоторых из них высокомерными и надменными. Но все они отдали себя Ортодоксии, так как они могли посметь обидеть тебя?»

Чэнь Чан Шэн не совсем понимал логику этих слов. «Не смеют оскорблять меня?»

Увидев его в недоумении Жрец Синь улыбнулся. «Сейчас весь мир знает, что ты кто-то, за кем присматривают Его Святейшество и Его Высокопреосвященство. Обидеть тебя - тоже самое, что обидеть Ортодоксию».

Когда Страж Монолитов делал выговор, он сказал, что независимо от того, насколько крупными были связи Чэнь Чан Шэна, юноша по-прежнему должен был чтить Мавзолей. Теперь, когда он услышал, что сказал Жрец Синь, Чэнь Чан Шэн приобрел новое понимание этих слов. Внутренне юноша догадался, что его связи в Ортодоксии вызвали некоторую антипатию к нему у Стражей Монолитов.

Размышляя над этими вопросами, Чэнь Чан Шэн вернулся в соломенную хижину. Она была совершенно пустой. Все, вероятно, направились к Мавзолею Книг для изучения монолитов. Большой горшок каши, который он приготовил еще до рассвета, был весь съеден, а посуда была вымыта. Даже емкость для воды была наполнена. Хотя он не видел, кто это сделал, по какой-то причине он чувствовал, что это был Гоу Хань Ши, кто позаботился обо всем этом.

Несмотря на то, что прибудут новые одеяла, Чэнь Чан Шэн по-прежнему взял три одеяла, оставленные Сюнь Мэем, и тщательно их вымыл несколько раз. Лишь убедившись, что тридцать семь лет пота и кислого вкуса были полностью смыты, он, наконец, оставил их сушиться во дворе. Затем он пробрался через апельсиновую рощу и пришел к отдаленному овощному полю. Сейчас было начало весны, когда желтое не стало зеленым, так что у растительного поля не было большого количества свежих продуктов на выбор. Зелень, которую можно было видеть, была луком, чесноком и луком-пореем. Он выбрал несколько весенних луковиц и выкопал несколько картофелин, затем вернулся во двор и начал готовить обед.

После того, как Чэнь Чан Шэн вскипятил воду в кастрюле, он достал немного сушеного мяса, которое дал ему Жрец Синь, разрезал его пополам, и бросил в кастрюлю. Поверх мяса он начал готовить рис. Внутрь риса он смешал кусочки картофеля размером с ноготь. Он омыл и нарезал зеленый лук, а потом разложил его на кухонной плите. Кроме того, он вынул вареные яйца и был готов разместить их на стороне горшка в любое время. Закончив, он кивнул головой в удовлетворении и помыл руки.

Хотя это правда, что соленая рыба и сушеное мясо были вкусными и хорошо шли в паре с рисом, они не были очень здоровой пищей. Есть много было вредно для организма. Жрец Синь сказал, что архиепископ позаботился о делах. Секта Меча Горы Ли, вероятно, также прислала

кого-то для доставки предметов снабжения. Он не знал, будет ли он в состоянии гарантировать свежее мясо и сможет ли достать его в будущем. Чэнь Чан Шэн сидел на пороге, думая о подобных вещах. Если вчера он играл в туриста целый день, то сегодня планировал играть повара? В Мавзолее Книг, вместо того, чтобы пойти изучать монолиты и обдумывать их секреты, вместо этого он думал о вопросах такого рода. Если бы кто-то увидел его, сидящего на пороге в раздумье, кто знает, какова была бы их реакция?

Пока Чэнь Чан Шэн сидел на пороге, он выглядывал из двора соломенной хижины на поваленную ограду и не особенно хорошо выглядящие деревья в апельсиновой роще. Это было очень мирно, и в течение очень долгого времени он не двигался ни на дюйм. Очевидно, что вопросы еды и питья не требовали так много времени для раздумий, и он никогда не был озабочен вопросами между мужчинами и женщинами. Так о чем же он размышлял?

Взирая на поваленный забор и постепенно рассеивающийся солнцем туман в лесу, он был чрезвычайно сосредоточен, до степени, что даже не осознал, что багаж, который они оставили за пределами мавзолея, уже был доставлен.

Крики птиц, наконец, заставили его очнуться от раздумий, когда он, наконец, увидел небольшую гору багажа рядом с собой. Он подошел и нашел свою сумку, потом взял кисть, чернила, бумагу и камень для перемешивания краски (прим.пер. Что-то подобное картинке https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/cd/Leaf-inkwell.JPG). Затем он возобновил сидение на пороге, уставившись на забор и деревья, но на этот раз его рука держала кисть и камень для перемешивания с чернилами на его стороне.

Шло время, и солнце постепенно поднималось все выше, и угол, под которым свет падал на двор, изменился.

Преграда была очень скудной и, кроме того, на грани краха. Среди кольев, однако, было несколько, которые были толще остальных.

По мере изменения света тени, которые отбрасывали эти колья, также менялись. Кончики ветвей деревьев в роще также начали меняться. Колья начали становиться короче. Рядом с ними тонкие стебли бамбука начали становиться шире. Под все более ярким солнцем некоторые из кончиков ветвей, казалось, были готовы исчезнуть. В то время, как другие, из-за тени, отбрасываемой светом, становились более отчетливыми.

Чэнь Чан Шэн спокойно смотрел на эту сцену и ее различные трансформации. Он вспомнил раннее утро перед хижиной монолита. С восхождением солнца линии на поверхности монолита менялись с красным теплом восхода солнца, как если бы они пришли к жизни. Когда края глубоких линий были освещены солнцем, они, казалось, становились тоньше, в то время, как мелкие линии становились шире.

Эти сложные и невыразимые линии - монолитные надписи. Надписи, которые пережили бесчисленные годы ветра и дождя и больше никогда не изменятся. Но не менялись ли они в этот самый момент? Если сообщения, скрытые внутри монолитных надписей, были зафиксированы, то почему каждый, кто читал их, находил разные значения? Да, это все было из-за этих изменений.

Чэнь Чан Шэн окунул кисть в чернила, открыл тетрадь и начал рисовать. Он не использовал слова для записи его идей, вместо этого захватывая то, что было перед его глазами, а также его выводы. Он начал описывать линии на Отражающем Монолите, и конец его кисти тяжело двигался по бумаге.

После неизвестного промежутка времени кисть Чэнь Чан Шэна остановилась. Ему на самом деле удалось начертить весь нижний правый угол Отражающего Монолита в тетрадь. Затем он достал книгу срисовок, которую купил в одном из ларьков за пределами Мавзолея, перевернул страницу на Отражающий Монолит и начал сравнивать их. Затем он понял, что существовало большое расхождение между ними. По сравнению со срисовками, рисунки в его тетради были гораздо более яркими. Если бы его штрихи были еще более энергичными, возможно, эти изображения были бы еще более яркими, как будто должны были прийти к жизни.

Туман в лесу полностью рассеялся, и бамбук в заборе стал суше. Свет, сияющий на дворе, был невероятно ярким. Уже на самом деле был полдень.

Чэнь Чан Шэн потер свои болящие глаза, затем закрыл их, чтобы отдохнуть некоторое время. Когда он встал, чтобы приготовить обед, юноша понял, что никто не вернулся. Все вокруг хижины было окутано тишиной. Из-за увеличения температуры даже птицы на деревьях не хотели петь. Он чувствовал себя довольно одиноко, стоя перед дверью в одиночестве...

Рис уже давно был приготовлен, так что он положил его на сторону, чтобы охладить. Ароматный запах картофеля, смешанный с запахом сушеного мяса, давал очень странный, но манящий запах. Он взял одну половину сушеного мяса из кастрюли, и после момента размышлений отрезал маленький кусочек. Он разрезал этот кусок на еще более мелкие кусочки и высыпал их в миску риса. Юноша также очистил вареное яйцо. Вместе с чашкой мягкого чая он поспешно завершил свой обед.

После еды он совершил непринужденную прогулку вокруг двора, а затем вернулся в хижину и отдохнул на кровати. Затем он вернулся к порогу, держа тетрадь в левой руке, а кисть в правой, и продолжил теряться в мыслях, глядя на окружение. Если свет непрерывно менялся со времени, то он должен был непрерывно изучать его.

Когда солнце постепенно зашло, лучи света, которые попадали во двор, стали более интенсивными. Колья и бамбуковые стебли, составляющие забор, ветви деревьев, которые расходились во всех направлениях - все это менялось со светом. Чэнь Чан Шэн тихо наблюдал очень долгое время, а затем, наконец, положил кисть на бумагу, пытаясь применить все изменения, которые наблюдал во второй половине дня. Изменения не были очень точными, лишь представляя набор торопливо выполненных строк.

В сумерках он нарисовал большинство надписей Отражающего Монолита.

Он знал, что он был недалек от понимания этого набора Монолитных Надписей.

В это время другие люди, проживающие в соломенной хижине, вернулись во двор один за другим.

Первым, кто прибыл, был Лян Бань Ху. Чэнь Чан Шэн кивнул головой в приветствии, но Лян Бань Ху, казалось, не заметил. Он направился прямо на кухню и выпил ковш воды. После этого он направился во двор и стоял у обрушенной части ограды, которую Танг Тридцать Шесть оттолкнул прошлой ночью. Он уставился на постепенно уходящее за гору солнце, а его лицо было полно печали и радости.

Ци Цзянь вскоре последовал. Юноша был несколько ошеломлен, но он не забыл поприветствовать Чэнь Чан Шэна. Когда Ци Цзянь вошел в хижину, ему едва удалось избежать удара головой об дверь. Спустя некоторое время он вышел из хижины, и по какой-то причине, склонил голову и начал расхаживать вокруг двора. Его рот постоянно двигался, но было трудно понять, что он говорил.

http://tl.rulate.ru/book/1222/57271